

Андрей Мясников

*Без права на ложь:
учебное пособие по
современной
практической
философии*

Для студентов и аспирантов

Андрей Мясников

**Без права на ложь: учебное
пособие по современной
практической философии.
Для студентов и аспирантов**

«Издательские решения»

Мясников А.

Без права на ложь: учебное пособие по современной
практической философии. Для студентов и аспирантов /
А. Мясников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854478-1

В учебном пособии рассматривается актуальная философская тема
недопустимости лжи. На историко-философском материале автор
отстаивает кантовский запрет на ложь.

ISBN 978-5-44-854478-1

© Мясников А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
История 1. Испытание правдой: судьба Иова	8
Глава I. О пользе и вреде обмана: краткая история вопроса	12
§1. Встреча с великими греками	12
Платон об умении лгать	14
Аристотель об уместности и своевременности правды	17
Цицерон о честном человеке	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Без права на ложь: учебное пособие по современной практической философии Для студентов и аспирантов

Андрей Мясников

© Андрей Мясников, 2017

ISBN 978-5-4485-4478-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Рассуждать философски – значит доходить до понимания сути вещей, познавать причины происходящих событий. Обычно для этого используется особый язык понятий, который часто пугает и отталкивает неподготовленных читателей и слушателей.

Моя авторская задача заключалась в том, чтобы написать научно-популярную книгу по философии, изложить сложную научную тему понятными и доступными средствами. Конечно, самим читателям судить о том, получилось ли это. Для решения этой задачи в книге приводится несколько историй, каждая из которых концентрировано передаёт особое отношение ко лжи в человеческой жизни.

Ложь и её замысловатые покровы не просто осуждаются в тексте книги, конечная цель в том, чтобы доказать вредоносное влияние лжи (намеренного обмана) на жизнь и здоровье человека и общества в целом.

Эта мысль не нова. В каждую эпоху к ней приходили разными путями. В этой книге я продолжаю философскую традицию великого философа Иммануила Канта.

В эпоху глобализации и информатизации правдивость и лживость в человеческом общении волнуют почти всех людей. Мы вовлечены в поток общения, событий, информации, различных договоров, а потому ценность правды и честности возрастает неимоверно, также как и опасность, губительность различных видов обмана.

Многие успокаивают себя словами «не обманешь – не проживёшь», но разум, совесть тут же разоблачают эту иллюзию: «жить не просто, а быть человеком ещё труднее». Так, мы начинаем входить в проблемное поле нашей книги, и мне хочется надеяться, что она будет интересна и полезна современникам.

Введение

Современная философия не перестаёт обращаться к известной библейской заповеди «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего» (Исход 20:16), чтобы рассмотреть её различные смыслы и выяснить границы применения. Большинству людей (в том числе и философам) не очень нравится однозначное требование «не лги», а потому они пытаются найти различные оправдания своим слабостям, порокам и просто своему эгоизму. Как уйти от обязательного исполнения этой заповеди или морального закона? Над этим размышляют многие наши современники и предлагают соблазнительные рецепты и различные толкования. О них мы будем ещё говорить, но в начале стоит внимательно отнестись к этой библейской заповеди.

По мнению большинства комментаторов Ветхого Завета, эта заповедь имеет непосредственное отношение к юридической или судебной практике, которая существовала во времена Моисея. В судебных разбирательствах показания свидетелей играют решающую роль, а потому они не должны быть лживыми, так как от них зависит вынесение справедливого приговора. В то же время в заповеди не говорится, чтобы человек всегда был правдив в своих показаниях. Поэтому нам нужно чётко различить два требования: «не лги» и «всегда будь правдив». Конечно, можно предположить, что юридический характер заповеди требует и правдивости в свидетельских показаниях, но человеческая жизнь очень сложна, а правдивость бывает не всегда удобной и полезной, тем более, когда речь идёт о судебном деле, в котором участвуют близкие люди или родственники.

Вдумываясь в слова этой заповеди, возникает вопрос: кого имеет ввиду Моисей под «своими ближними»? Только ли своих соплеменников, сородичей, единоверцев, или любого человека, о действиях которого мы обязаны заявить на суде? Этот вопрос является дискуссионным в ветхозаветной литературе, но он получает ясное решение в Новом Завете, где Иисус Христос не делает различия между людьми по национальности, вере, полу, социальному положению и другим признакам. Вместе с тем уже в Ветхом Завете заповедь «не лги» получает более широкое применение: не только судебно-юридическое, но и социально-экономическое. Человек не должен обманывать своего ближнего при заключении договоров или при других торговых сделках. Человеческим долгом является сохранение истины не только в делах, связанных с именем Бога (на исповеди или клятве на Библии), но и в обыденной жизни, в повседневных разговорах и отношениях с другими людьми.

Девятая заповедь, данная Моисею запрещает не только лжесвидетельство, но и лживые клятвы (Левит 19:11—12), проклятия (Осия 4:1—2), клевету (Левит 19:16), т.е. любое публичное высказывание, которое совершается не с чистым сердцем, не по совести. Редким случаем исполнения этой заповеди была история жизни библейского героя Иова.

История 1. Испытание правдой: судьба Иова

Серо-каменные стены, вросшие в тёмный потолок, заставляли думать о смерти. Искалеченное, обезображенное тело мужчины изредка вздрагивало, корёжилось и через мгновение застывало. Подходившие люди спрашивали друг друга:

– Он ли это? И отвечали себе:

– Какая ужасная судьба настигла его

Глаза мужчины приоткрывались на некоторое время, в них читался страшный вопрос к Всевышнему: «Объяви мне, за что ты со мною борешься?»

Обессиленное тело сжималось от боли, но глаза смотрели куда-то вверх, их блеск выдавал огромное напряжение ума. Ни жена, ни дети не могли успокоить взгляд, требующий ответа, потому что их уже не было.

– Да, я остался один. Меня лишили всего. Даже тело не хочет слушаться меня. Но Он должен ответить на мой вопрос! Иначе зачем Он тогда...

Острая боль пронзила сознание, и мужчина забылся.

Стоявшие рядом друзья тихо помолились и вышли из комнаты.

– Странный этот Иов – сказал Моний. – Не могу его понять. Зачем это глупое упрямство, почти ребяческая дерзость, а главное – такое бесчувствие? Ведь он похоронил всю семью, всех близких, остался нищим, беспомощным калекой. И всё это ради какой-то правды. Как мне жаль Иова. Как мы славно играли с ним в кости и в мяч. У меня даже разболелась голова при виде его мучений.

– Да, он возроптал напрасно – молвил Фавий. – На небеса он вздумал посягнуть, к Всевышнему с вопросом обратился. Не богохульство ль то? Не грех ли непрощённый?

Георгий не сдержался:

– В уме ли он, наш славный друг Иов!? Я не могу понять – во сне иль наяву, я вижу его тень. Быть может нам проснуться стоит, и окунуться головой в кадушку.

Молчание усилило вопросы. Советы близких были рядом, беспомощно толкаясь друг о друга. Друг гибнет, а ответа нет.

С пробуждением сознания Иов понял, что ещё жив.

– Раз Он не взял меня к себе, значит я могу спрашивать, на это у меня пока есть силы. Неужели ради Бога мне нужно сказать неправду, как учат меня друзья, и для Него сотворить ложь?

Мучительный вопрос разрывал сознание, угрожая безумием, и породил цепочку таких же вопросов и малоутешительных ответов:

– Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки? Часто ли угасает светильник у беззаконных, и находит на них беда, и Он даёт им в удел страдания во гневе своём? Несправедлив он ко мне. Не заслуженно наказан я. Лишён я справедливого суда. Но доколе жив я, не скажут уста мои неправды, и язык мой не произнесёт лжи! Разве не знает Он помыслы и дела мои? Разве Он может быть доволен своей несправедливостью?

Голубое небо в окне сумрачной комнаты приковало его взгляд. Кусочки лёгких облаков напоминали о жизни, о той прежней жизни, которую не хотелось вспоминать.

– Как оценить её без справедливого суда? Пусть взвешают меня на весах правды, и Бог узнает мою непорочность!

В комнату вошёл пожилой мужчина, старший брат жены. Его звали Даниил. Он тихо присел у ног Иова и взял в руки его ладонь, покрытую кровоточащими язвами.

– Ты тоже будешь меня упрашивать? Или ты пришёл разрывать мне сердце? – проговорил Иов.

Не поднимая глаз, Даниил медленно положил обезображенную ладонь на кровать.

– Почему ты молчишь? Ты тоже осуждаешь мои препирания с Ним? Так, знай же, крепко держал я правду и не отпущу её, не укорит меня сердце до конца дней моих. Перестань меня жалеть. Скажи мне.

Даниил поднял голову и тихо произнёс:

– Не я тебе судья, Иов. Ты сам ответишь. Жди своего часа.

Слеза покатила по щеке Иова. Он вспомнил жену и детей, счастливый дом, запах праздничного пирога и радостные лица гостей.

– Я не в чём не виноват – выговорил он, утирая слёзы.

Старик тихо произнёс:

– Я скоро уйду. Мне нужно многое сделать дома.

Иов приподнялся и посмотрел на его руки.

– Не приходи ко мне, пока не решишь для себя.

Начало смеркаться. Боли усилились, Иов начал терять сознание.

Комментарий

Библейская история Иова является редким примером абсолютной правдивости во всём Ветхом Завете. В этой истории человек должен пережить казалось бы непосильное испытание, придуманное самим Сатаной – должен лишиться всех благ земной жизни, кроме чистой совести. Он должен пройти страшное испытание: «Кожу за кожу, за жизнь свою отдаст человек всё, что есть у него» [Иов. 2:4]. Жребий пал на самого добродетельного, достойного и счастливого мужа, который должен был ответить за весь род человеческий – на что способен человек?

Неожиданные несчастья потрясают Иова и вызывают естественное сострадание у его друзей. Они хотят утешить, поддержать несчастного друга, призывая его к покаянию перед всемогущим Судьёй. Если Бог справедлив, то все беды – это справедливые наказания за какие-либо грехи (явные и неявные, вольные и невольные). По этому поводу точно замечает немецкий философ XVIII века И. Кант: «Друзья Иова придерживаются той системы, которая все беды в мире объясняет, исходя из справедливости Господней, так же как и многообразные наказания за совершенные преступления; и хотя они не могут назвать ничего такого, что бы этому несчастному мужу можно было поставить в вину, они все же уверены, что могут судить а priori, что какие-то прегрешения за ним, стало быть, имеются, иначе по справедливости Господней не могло бы случиться так, чтобы он был несчастлив»¹.

Неужели смертный человек может усомниться в справедливости Божией, да ещё и решиться вступить в прения с Ним? Неужели человек будет отстаивать свою правоту, несмотря ни на что – ни на беды, ни на страдания близких и собственное страшное самопожертвование? Это испытание не для слабых, не для пугливых. Материальное благополучие, счастье уходят на задний план, уступая место голосу совести: «Невинен я; не хочу знать души моей, презираю жизнь мою. Все одно; поэтому я сказал, что Он губит и непорочного и невинного» [Иов. 9:21; 22].

Друзья желают ему счастья, возвращения утерянного благополучия и ради этого предлагают допустить лицемерие перед Богом, вызвать у Него сострадание к несправедливой участи, смирить гордыню и в полной мере унизиться до ничтожной твари. На что Иов отвечает: «Надлежало ли вам ради Бога говорить неправду и для Него сотворить ложь? Надлежало ли Вам быть лицеприятными к Нему и за Бога так препираться? Хорошо ли будет, когда Он испытает вас? Обманите ли Его, как обманывают человека?» [Иов. 13:7—9]. И далее взывает он: «Замолчите передо мною, и я буду говорить, что бы ни постигло меня» [Иов. 13:13].

¹ Кант И. О неудаче всех философских попыток теодицеи // Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. – М., 1994. – С. 150.

По сути, Иов ведёт постоянный разговор не с друзьями, а с самим вседержителем; он позволяет себе дерзость упрямства и мужество противостоять самому Богу. Есть ли у человека такая сила? Пожалуй, что есть: «Не скажут уста мои неправды, и язык мой не произнесет лжи!... Крепко держал Я правду мою и не отпущу ее; не укорит меня сердце во все дни мои» [Иов. 27:4; 6]. Простительно и справедливо ли его самооправдание? Наверное, да, ведь он говорит как честный человек, который не знает за собой вины, его прямота пугает малодушных и слабых, но она угодна Богу. Иначе и быть не может, поясняет шотландский философ XVIII века Шефстбери: «Замечательный характер бога истины! – если он должен обижаться на нас за то, что мы отказались прикрыть ложью наше разумение, как бы много в нас ни лгало, и если он должен быть довольным нами оттого, что мы верим наугад во что придется и вопреки разуму...»².

Получается, что Иов более «верно» говорит Богу, чем его друзья, хотя ему приходится больше оправдывать себя, чем Высшую справедливость. Его правдивость оказывается самоценной, пренебрегающей всякой полезностью и благополучием, она героически жертвенна и несчастна, но её ценность иного порядка, чем все материальные блага и сама земная жизнь. Это поистине дьявольское испытание, которое заставляет человека делать свой выбор и открывать свои внутренние устои. Не то ли мы слышим от Иисуса Христа, когда он говорит «Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через меня» [Иоанн. 14:6]. Высочайшее самопожертвование, которое демонстрируют и Иов, и Иисус Христос, ради служения истине – правде, может рассматриваться как идеал, недостижимый для большинства людей, идеал, требующий отречения от собственной естественной жизни и, возможно, представляющий собой способ богослужения.

Героические страдания Иова могли бы привести к глубокому сомнению в справедливости Бога, если бы не благополучный, чудесный итог: «И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние...» [Иов. 42:12], «После того Иов жил сто сорок лет, и видел сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого рода; И умер Иов в старости, насыщенный днями» [Иов. 42:16, 17].

Чудесным образом Бог вознаградил честного человека и показал всем, что ему угодна искренность сердца и отвратительно лицемерие и всякая симуляция. А если бы чуда не произошло, как это бывает в обычной жизни? Если бы Иов просто умер от мучительных страданий, не раскаявшись в своих возможных преступлениях? Это обстоятельство лишь укрепило бы веру друзей в порочность человеческого рода и необходимость вымаливать милости перед Всемогушим. А другого честного человека могло бы привести к мысли о несправедливости бытия и отсутствии Провидения.

В библейской истории всё заканчивается благополучно для правдивого человека. Он мужественно доказал свою непорочность перед лицом Бога и получил вознаграждение. Однако его, как пишет Кант, «перед любым судом догматической теологии: перед синодом, инквизицией, преподобным классисом... ждала бы, вероятно, горькая участь»³. Правдолюбец, бросающий вызов Высшей справедливости, нарушает веру в порядок и целесообразность любых наказаний. Он препятствует работе системы господства и подчинения, вносит сомнения, смуту, а потому от него лучше побыстрее избавиться или использовать в интересах власти.

В *искренности* всегда заинтересованы тираны. Они требуют от своих подданных полной открытости, чтобы во время устранять любую угрозу собственному господству. Наглядным примером могут служить трагические судьбы российских декабристов, которые *по совести* рассказывали на допросах о своих единомышленниках.

² Шефстбери. Письмо об энтузиазме // Эстетические опыты. – М.: Искусство, 1974. – С. 258.

³ Кант И. О неудаче всех философских попыток теодицеи. – С. 152.

Зачем тогда нужна *честность* живым людям, если она мешает сохранению установленного общественного порядка? Тем более, если нет всемогущего Бога, то *искренность* становится совершенно ненужной забавой.

Глава I. О пользе и вреде обмана: краткая история вопроса

§1. Встреча с великими греками История 2. Аристокл и Сократ

– Доколе ты будешь терзать меня своими вопросами?! – раздражённо воскликнул Гипний. – Как злая оса ты кусаешь меня своими речами! Остановись же, Сократ, ты разрываешь мне разум!

Сократ растёр ладонями вспотевший лоб и вышел на улицу. Солнышко обхватило его, аромат свежих листьев наполнил лёгкие, а доносящиеся звуки гитары повлекли к хмельной компании. Неподдалёку шёл праздник, на котором юный поэт представлял своим друзьям новую поэму о подвигах хитроумного Улисса. То был Аристокл, впоследствии известнейший философ Платон.

Сократ приблизился к пирующим и услышал голос молодого поэта, декламирующего слова Гомера из Илиады:

«Сын богоравный Лаэрта, Улисс хитроумный и ловкий!
Должен на речи твои прямым я отказом ответить, —
Что я мыслю, скажу, и что совершить полагаю,
Ибо не менее врат Аида мне тот ненавистен,
Кто на сердце таит одно, говорит же другое.
Сам я лишь то возвещу, чему неминуемо сбыться».

– О, друзья! Великая сила в поэме Гомера, великую мудрость оставил он нам – трепещущим, жаждущим знаний поэтам, – не гибнущей прозе он задал устав.

Аристокл покраснелся, поправил тогу и продолжил:

– Не терпят боги неправды, нельзя им солгать без потери. Всезнающий Озис примет, чья правда другой превосходней. Кто не скажет правды всезнающему – тот просто глупец. Но нужно ли быть в речах откровенным с живущими рядом людьми: с рабами, с хитрыми купцами, и наконец, с врагами, ждущими любой нашей слабости? Вот мой вопрос! Над ним я мучился не раз и не могу пока найти ответа.

Сократ задумался на миг над словами молодого поэта и выкрикнул ему:

– Как женщину ты сможешь полюбить, коль не польстишь ей и не очаруешь словом?! Иль ты всю правду скажешь о своих желаниях, и её успехах?

Поэт растерянно замялся. Друзья начали похихикивать, вспоминая забавные случаи из жизни.

Сократ подошёл ближе и произнёс:

– Извини меня, что я задал такой неловкий вопрос. Мне приходится часто браниться со своей женой, пока она не получит своего. Ей нужны мои слова, она их ждёт, и я вынужден говорить не то, что думаю или знаю. Капля моей неправды становится для неё бальзамом, и я спокойно ухожу из дома до следующего приступа внимания.

Что можем мы сделать с женской природой? Ничего. Она такова. Красавицам потребно больше лести и манерного притворства. А вы – поэты, не кривите ли душою, когда слагаете красивый стих в ущерб самим вещам?

Поэт молчал, глаза его горели, комок в пересохшем горле не давал сказать. Наконец, он набрался сил и проговорил:

– Ты опытен и мудр, в словах твоих я вижу близость сути. Ты упрекаешь нас – поэтов в мнимом подражании миру. Быть может так. Словесность украшает мир. Но знание без правды невозможно. Наверное, поэтому у женицин нет пристрастия к наукам. Зачем я буду лгать соседу о своих успехах, коль он узнает вскоре, что их вовсе нет? И женицину могу я соблазнить речами, но долго ли продлится та игра без искреннего чувства и любви? За правдой стоят боги, а не люди. Зачем же отдавать бразды невежам и лжецам, если знаем сами, куда ехать?

Сократ задумался и молча вышел из дома.

Платон об умении лгать

У древнегреческих философов было неоднозначное отношение ко лжи и правдивости: с одной стороны, ложь вредна и порождает недоверие и даже презрение к лжецу, а с другой стороны – она может быть полезна. Обратимся к Платону, который начал глубоко размышлять над этим вопросом в одном из ранних диалогов «Гиппий Меньший»⁴. Платон сравнивает известных мифологических героев – Одиссея и Ахилла. Первому свойственны *многоликость и лживость*, а второму – *правдивость и прямота*. Кто из них лучше? Кто совершеннее?

Платон не хочет однозначно противопоставлять их внутренние качества. Он ставит под сомнение саму противоположность этих человеческих качеств и говорит об этом: «Значит, Гомеру, видимо, представляется, что один кто-то бывает правдивым, другой же – лживым, а не так, чтобы один и тот же человек был и правдив и лжив»⁵. Ход его рассуждений направлен на то, чтобы доказать *смешанность* правдивости и лживости в жизни искусного и благоразумного человека, а это ведёт к признанию их *стратегическими средствами* в достижении блага.

В данном случае речь идёт об умениях человека лгать и не лгать. Более искусным и успешным будет тот, кто умеет делать и то, и другое. Поэтому тот, кто *не умеет* лгать, явно проиграет тому, кто умеет это делать. Платон считает, что использовать разные стратегии поведения могут более умелые и искусные люди, чем те, кто ограничен в своём умении. Тот, кто не может (не умеет) лгать, представляется человеком, действующим «не по своей воле», а следовательно, рабом или невеждой.

Более искусный – это более знающий, а потому он может больше сделать, достичь большего блага, чем незнающий. Платон продумывает прагматическую линию поведения в отношении правдивости и лживости человека, имея ввиду пользу или вред такого поведения. По сути, они мыслятся как «техничко-прагматические» умения, которые можно использовать для достижения любых целей. Однако логика прагматической позиции приводит Платона к парадоксальному выводу: тот, кто сознательно погрешает и причинит постыдную несправедливость – если только такой человек существует, – будет никем иным, как человеком достойным.

С этим парадоксом ранний Платон оставляет своих читателей. На наш взгляд, неопределённость позиции Платона свидетельствует именно о сложности вопроса, в том числе и о сомнительности чисто стратегического отношения к правдивости и лживости. Ведь, он мог провоцировать своих собеседников, но не обманывал ни себя, ни других, иначе путь к истине был бы закрыт⁶. В поздних диалогах древнегреческий философ указывает на основную причину лжи, обманов и различных подделок – на «заблуждение» или незнание. Он не стремится различить намеренное и ненамеренное незнание, ибо в любом случае человек виновен в нём, ибо душа его всегда открыта для познания—припоминания.

Незнающий истины – это невежда, а если он ещё обладает высокомерием и самоуверенностью, то он становится носителем «великого и тягостного вида заблуждения» – созданием словесных призраков⁷. Творцами призрачного являются софисты, а их противниками будут философы, обладающие искренностью и справедливостью. В таких поздних сочине-

⁴ Платон. Гиппий Меньший // Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1. – М.: Мысль, 1990. С. 205.

⁵ Там же.

⁶ См.: Майоров Г. Г. Тема человеческой природы у Платона и Аристотеля // Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и эмпирические. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 87–98.

⁷ Платон. Софист // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. С. 292.

ниях как «Государство» и «Законы» Платон не раз возвращается к вопросам о том, всегда ли полезна правдивость, и в каких случаях будет оправдана ложь. Решение этих вопросов часто неоднозначно. Например, в первой книге «Государства» приводится такая ситуация: «если кто получит от своего друга оружие, когда тот был еще в здравом уме, а затем, когда тот сойдет с ума и потребует свое оружие обратно, его отдаст, в этом случае всякий сказал бы, что отдавать не следует и несправедлив тот, кто отдал бы оружие такому человеку или вознамерился бы сказать ему всю правду»⁸. Требования правдивости и честности должны подчиняться высшей добродетели – справедливости, которая нацелена на высшее благо.

Вместе с тем философ ясно понимает, что ложь как таковую «ненавидят все боги и люди»: «Я говорю только, что вводить свою душу в обман относительно действительности, оставлять ее в заблуждении и самому быть невежественным и проникнутым ложью – это ни для кого не приемлемо: здесь всем крайне ненавистна ложь»⁹. Прежде всего, ложь чужда богам, так как «бог – это нечто вполне простое и правдивое и на деле, и в слове; и он сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения – ни наяву, ни во сне»¹⁰. Другое дело – люди: изменчивые в настроениях, непостоянные во мнениях, вынужденные всю жизнь стремиться к познанию некогда созерцаемой истины, они почти прикованы к своим заблуждениям.

Философия имеет дело со словесными объяснениями, рассуждениями, в которых может проникнуть «словесная ложь». Платон определяет её как «воспроизведение душевного состояния, последующее его отображение и это-то уж не будет беспримесной ложью в чистом виде»¹¹. «Словесная ложь», по словам Платона, может быть в некоторых случаях **полезной**, и её не стоит ненавидеть как «подлинную ложь». По этому поводу он приводит следующий пример: «Если в исступлении или безумии они (неприятель или друг – прим. моё. – А. М.) пытаются совершить что-нибудь плохое, не будет ли ложь полезным средством вроде лекарства, чтобы удержать их»¹²?

Мы подошли к главному, интересующему нас тезису Платона: **в человеческом общении ложь может быть полезной вроде лекарства**. Из этого следует, что правильно решить вопрос о применении лжи может «врач», в данном случае благоразумный человек, препятствующий проявлениям неразумности. Так в третьей книге «Государства» он говорит: «— Ведь надо высоко ставить истину. Если мы правильно недавно сказали, что богам ложь по существу бесполезна, людям же она полезна в качестве лечебного средства, ясно, что такое средство надо предоставить врачам, а несведующие люди не должны к нему прикасаться.

— Да, это ясно.

— Уж кому—кому, а правителям государства надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан, ради пользы своего государства, но всем остальным к ней прибегать нельзя. Если частное лицо станет лгать собственным правителям, мы будем считать это таким же – и даже худшим – проступком, чем ложь больного врачу...»¹³.

Из слов философа мы делаем вывод, что обманывать по праву могут правители, обладающие разумной душой, а также благоразумные граждане, намеренные удержать других (неблагоразумных) от губительных действий. Но кто будет определять «полезность» лжи в каждом конкретном случае и уровень «знаний» человека, берущего на себя ответствен-

⁸ Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. С. 83.

⁹ Там же. С. 146.

¹⁰ Там же. С. 147.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 152—153.

ность применить ее именно с пользой «в качестве лечебного средства»? Это должен делать законодатель—судья, предварительно точно установив границы и критерии допустимости лжи. Платоновские определения, основанные на примерах, остаются очень размытыми, особенно по отношению к благоразумным гражданам, которые не должны обманывать своих правителей, но последние могут использовать ложь во благо своих сограждан. При этом возникает вопрос: должны ли граждане быть правдивыми с несправедливым правителем, например с тираном?

Полезная ложь со стороны правителей получает оправдание в трактате «Законы», где Платон говорит о воспитании молодых людей с помощью ложных поэтических и мифологических представлений, предназначенных «заставить добровольно, а не по принуждению поступать во всем справедливо»¹⁴. Не будут ли молодые люди намеренно вводиться в заблуждение опытными наставниками? Не будет ли это противоречить истине? Платон отвечает на наши вопросы словами Клиния:

«— Истина прекрасна, чужеземец, и пребывает незыблемой, но убедиться в ней, видимо, нелегко». И далее продолжает: «Законодатель должен найти все возможные средства, чтобы узнать, каким образом можно заставить всех живущих совместно людей постоянно, всю свою жизнь выражать как можно более одинаковые взгляды относительно этих предметов, как в песнях, так и в сказаниях и рассуждениях»¹⁵. Таким образом, укротить пылкость и горячность молодости можно с помощью прекрасных иллюзий, тех самых призраков, которые ранее возмущали философа. Но если софисты не знали о том, что их мнения призрачны, то философы—законодатели *знают*, что многие песни и мифы ложны, но используют их ради будущего блага государства, надеясь, что заблуждения молодости вскоре рассеются.

В тех же «Законах» Платон высказывает мысль о *недопустимости лжи*, обмана в экономическо-торговом общении граждан, подчеркивая, что у большинства имеется «превратный взгляд, будто иной раз – и даже нередко – все это вполне допустимо, если только совершается кстати»¹⁶. Недопустимость, а следовательно, и наказуемость экономического обмана объясняется именно «ущербом», наносимым себе и другим, и к тому же усиливается религиозными соображениями: «Кто не желает стать в высшей степени ненавистным богам, пусть ни словом, ни делом не допускает никакой лжи, обмана, или подделки, призывая в свидетели род богов, а ведь бывает, что кто-то клянется ложными клятвами, ничуть не заботясь о богах»¹⁷.

Платон требует правдивости и честности от простых граждан, так как без этих качеств общественные отношения приходят в упадок и государство умирает. Но стоит ли верить в необходимость этих требований? Не являются ли они педагогическим приемом, вводящим граждан во временное заблуждение ради сохранения существующего государственного порядка? Не использует ли он и авторитет богов для укрепления социально и экономически обусловленных требований правдивости и честности? Платон оставляет нас с этими вопросами.

Перейдём к другому великому философу – Аристотелю.

¹⁴ Платон. Законы // Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1994. С. 113.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 378.

¹⁷ Там же. С. 379.

Аристотель об уместности и своевременности правды

В своих сочинениях «Никомахова этика», «Большая этика», «Евдемова этика» Аристотель характеризует правдивость (*aletheia*) как нечто «среднее между притворством (*eironeias*) и хвастовством, которая проявляет себя в речах, однако не во всяких»¹⁸. Он относит эту «срединную» добродетель, прежде всего, к высказываниям по поводу своего имущества, знаний, способностей, т. е. по отношению к тем качествам, которые могут быть полезными для других граждан государства. Поэтому, если мы неправдивы в своих речах, то мы затрудняем любознательность наших сограждан и препятствуем их естественному стремлению к обладанию истиной. Как говорит Страгирит в «Никомаховой этике»: «... [наш] долг – ради спасения истины отказаться даже от дорогого и близкого, особенно если мы философы. Ведь хотя и то и другое дорого, долг благочестия – истину чтить выше»¹⁹.

Стремление к истине приобретает особое значение в тех случаях, когда человеку приходится совершать поступки. Общие предписания правильности и неправильности поступков являются условными, не установленными раз и навсегда, «ведь частные случаи, – пишет Аристотель, – не может предусмотреть ни одно искусство и известные приемы [ремесла]; напротив, те, кто совершает поступки, всегда должны сами *иметь в виду их уместность и своевременность*, так же как это требуется от искусства врача или кормчего» (подчёркнуто мной – А. М.)²⁰.

«Уместность и своевременность» поступка оказываются у него важнейшими критериями благоразумия, а следовательно, и той самой *срединности*, без которой не мыслима добродетель. Из этого следует, что «правдивым» будет тот, кто держится середины и избегает извращения истины с помощью преувеличения (хвастовства) или умаления (притворства). Когда человек сталкивается с неоднозначными обстоятельствами, например, грозящими ему большими бедами, как ему следует поступать?

Будет ли поступок в такой ситуации произвольным или непроизвольным? По мнению Аристотеля: «Поступки такого рода являются, стало быть, смешанными, но больше они походят на произвольные: их предпочитают другим в то время, когда совершают, но цель поступка зависит от определенных условий (*kata ton Rairon*)»²¹. Философ приводит пример с тираном, который прикажет нам совершить какой-то постыдный поступок, между тем как наши родители и дети в его власти; если совершить этот поступок, они будут спасены, а если нет – они погибнут. Чему отдать предпочтение? Конечно, защите своих родителей и детей. Аристотель в этом не сомневается, но вынужден оправдать «постыдный поступок» ради своих близких тем, что обстоятельства «пересиливают природу человека» и их «никто не мог бы вынести»²².

Человеческое благоразумие не в силах справиться с властью тирана, поэтому такой поступок частично подневолен. Правдивость в такой ситуации просто не уместна, она будет стоить очень дорого – жизни наших любимых родственников. Греческий философ не видит пользы в таком жертвоприношении ради абсолютной правдивости, так как последняя представляет лишь общее (абстрактное) требование, не имеющее конкретного значения вне самой жизненной ситуации. В связи с этим правдивость рассматривается в качестве услов-

¹⁸ Аристотель. Большая этика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 323., а также см.: Аристотель. Евдемова этика. – М.: ИФ РАН, 2005. С. 39.

¹⁹ Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 59.

²⁰ Там же. С. 80.

²¹ Там же. С. 95.

²² Там же. С. 96.

ной добродетели, которая наиболее полезна и приятна в непосредственном дружеском общении, распространяемом на всех граждан. Правдивый человек подобно доброму другу «... будет одинаково вести себя с незнакомыми и знакомыми, близкими и посторонними, хотя, конечно, так, как подобает в каждом отдельном случае...», в своих речах он признает, что «владеет тем, что у него есть, не больше и не меньше»²³.

Это нравственно прекрасно и заслуживает похвалы, а «обман сам по себе дурен и заслуживает осуждения»²⁴. Вместе с тем вынужденный обман (под давлением непосильных человеку обстоятельств) прости́телен, «вызывает сочувствие», а значит, и не наказуем. Слабость человеческой природы должна быть принята во внимание и моралистами, и судьями, ибо люди далеко не совершенны в сравнении с богами и чрезмерные требования противоречат понятию о срединном значении всякой добродетели. Мера соответствия долгу в свою очередь даётся самим человеческим рассудком, анализирующим каждую сложившуюся жизненную ситуацию по своему усмотрению (как это делает, например, врач, полководец, судья и др.).

Таким образом, Аристотель является противником безусловной правдивости, так как эта «срединность» не самодостаточна, она должна быть подчинена «нравственной красоте» и «полезности» поступка, т.е. тем требованиям, которые складываются в обществе и имеют общее значение в виде традиционных норм, правил, привычек. Очевидно, что такая общезначимость не обязательна для человека с иными ценностными приоритетами, а потому является условной, зависящей от решения конкретного лица. Но так как философ мыслит человека в достаточно жестких социальных рамках греческого полиса, небольшого города-государства, где свободные граждане должны знать друг друга, то любой произвол, любое отступление от традиционных норм, запретов делает человека преступником, нарушившим требования общей полезности, устойчивости нравов. Поэтому «экспериментирование» с собственной моралью будет жёстко ограничено родовыми устоями и соответствующими законами.

Попробуем теперь сравнить платоновскую и аристотелевскую позиции с концепцией Цицерона – выдающегося философа-моралиста эллинистического периода.

²³ Там же. С. 138.

²⁴ Там же. С. 140.

Цицерон о честном человеке

У Платона и Аристотеля проблема правдивости человека в высказываниях не имела такого важного значения, как у Цицерона, жившего в эпоху падения нравов римского общества и начинающейся тирании императоров²⁵. Не случайно, что в большинстве своих сочинений Цицерон пытается нарисовать образ «честного человека», привести исторические примеры, наглядно свидетельствующие о способности людей следовать добродетельному образу жизни.

Показательно, что Цицерон как философ и юрист не разделяет между собой обязанности моральные и юридические, так как они имеют общий источник в самом человеческом разуме и предназначены для общей цели – упорядочения человеческой жизни. В трактате «Об обязанностях» он возвеличивает справедливость как высшую из добродетелей, основанием которой является «верность, то есть стойкость и правдивость в словах и принятых на себя обязательствах»²⁶. По мнению Цицерона, несправедливость может быть двух видов: «один – со стороны тех, кто совершает ее; другой – от тех, по отношению к кому ее совершают»²⁷.

Он настаивает на том, что безучастность человека к причиняемой другими несправедливости не менее опасна, чем непосредственно нарушение законов, ибо, «...тот, кто последнего не защищает и с противозаконием не борется, когда может, совершает такой же поступок, как если бы он без помощи оставил родителей, или друзей, или отечество»²⁸.

Цицерон, как и Аристотель, считает обязанности зависящими от обстоятельств: если изменяются обстоятельства, то и обязанность не остаётся одной и той же. Долг человека должен соотноситься с возможностями человеческой природы. Вместе с тем Цицерон объявляет настоящую войну всякому обману и нечестности в словах и поступках. Если сравнивать обман с насилием, то «обман, – по его словам, – кажется свойственным жалкой лисице, а насилие – льву». «И то и другое совершенно чуждо человеку, но обман более ненавистен»²⁹.

Наибольшее презрение вызывают к себе те, кто прибегает к обману ради совершения преступных деяний, стараясь казаться честными людьми. Такое притворство представляется римскому философу не достойным разумного, «честного», уважающего себя человека, настоящего гражданина своего государства. «Поэтому мы и хотим, чтобы храбрые мужи были в то же время великими духом, добрыми и простыми, друзьями правде и ни в коем случае не лживыми; в этом внутренняя ценность справедливости»³⁰.

Обман – нравственно безобразен, он уродует человеческое достоинство и противоречит самой человеческой природе. При этом Цицерон различает «природу, общую всем людям» и «собственную природу» человека. Если первой мы просто не должны противоречить в своих поступках, то с помощью второй мы можем сами измерять свои стремления мерой своей натуры, ибо, как он пишет, «нет смысла ни противиться природе, ни преследовать такую цель, какой не можешь достичь»³¹. Каждый разумный человек должен «взвесить»

²⁵ См.: Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972; Звиревич В. Т. Цицерон – философ и историк философии. Свердловск, 1998.

²⁶ Цицерон. Об обязанностях // Древнеримская философия. От Эпиктета до Марка Аврелия: Сочинения. М., Х., 1999. С. 262.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 269.

³⁰ Там же. С. 275.

³¹ Там же. С. 291.

свои качества, сравнить их с качествами других людей, чтобы найти наиболее подходящие нравственно прекрасному и отличать их от дурных и унижительных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.